

Глава 29. Прощай!

Майя и Саргылана.

— Майя, что же будет? Если райком решил... значит, всё?

— Не знаю, Ланочка. Почему ты говоришь шёпотом?

— Мне всё кажется, что Пестряков услышит.

— Глупышка ты у меня.

— На совещании говорили о следопытах, о тракторном кружке, а самого Аласова даже не упомянули. Разве честно так, разве хорошо?

— Плохо, Лана. Всё плохо...

— Боже, как я хочу Аласову хоть чем-нибудь помочь! Майечка, пойдите к нему... пойдёшь, скажи, пусть не падает духом.

— Вот вернётся с охоты, пойдёшь к нему и сама всё скажешь.

— И скажу!

Надежда Пестрякова.

После совещания супруги Пестряковы задержались в райцентре по своим делам и теперь возвращались домой в последний день каникул.

Колхозный «газик» резво подпрыгивал на ухабах. Тимир Иванович сидел рядом с шофёром, Надежда на заднем сиденье забилась в угол, спрятала лицо в воротник.

...В доме, где они остановились, гостям отвели лучшую комнату. Но всё равно не родная изба — спалось плохо, болела голова.

Вчера вечером Тимир долго не приходил. Наконец: «Добрый вечер, дорогая», — склонился над ней, пахнуло винцом.

«Новости расчудесные, — сказал он, тиская ладонь в ладони. — Песенка Аласова спета. Секретарь райкома взащей выгнал его: вопрос о переводе решён, можете собирать вещицы. В роно Платонов даже похвалил меня: скандалы надо душисть в зародыше. Между прочим, в роно его ждали, думали, примчится выяснять отношения. А он, представляешь, сбежал. В лагере противника паника! Довольна, деточка? Твоё приказание исполнено... — Он припал к ней лицом, остро кольнул отросшей за день щетиной. — Ну скажи, довольна? Дай ещё разочек поцелую... Вот сюда...»

Чтобы оторвать мужа от своей груди, она подняла его голову и поцеловала в лоб. В ответ поцелуи посыпались градом.

«Дорогая моя! Любое твоё желание...»

«Перестань! Перестань... Вот уж человек... Люди за дверью, неудобно. Возьми себя в руки. Разденься спокойно. Повесь одежду на стул».

Пока он раздевался, Надежда лежала, плотно зажмурив глаза. В висках стучало: бух, бух... На улице под окном отвратительно скулила хозяйская собака.

«Послушай, Тим. А куда же Аласова?»

«Да в Бордуолах! — отозвался муж. — В Бордуолах, кормить комаров...»

Надежде представилось: Бордуллах, медвежий угол, один-одинёшенек стоит посреди пустой комнаты Аласов... (Почему пустой?) Он стоит, а за чёрным окном, в ночи, вот так же нескончаемо скулит собака.

«Ты сказал — любое моё желание... Так вот, слушай. Больше никогда, ни под каким предлогом, из нашей школы не отпускай ни одного учителя... Обещаешь мне?»

«Об-бецаю, — протянул муж, несколько озадаченный. — А если Нахов?»

«Нахова можно. А больше — ни человека».

«Хорошо... Я ведь знаю, что все твои приказания — от любви ко мне, от заботы. Но если ты думаешь, что за Аласовым другие начнут разбегаться, то не бойся, этого не случится».

«Всё равно не отпускай».

«Коллектив мы годами сколачивали, за один день не разрушишь. Но ты умница. Распускать, действительно, нельзя...»

Меньше всего у неё болело сердце за коллектив. Разрушится — не разрушится, что ей до того? А её странная с виду просьба имела одну причину: не вздумала бы и Майка потянуться вслед за Аласовым! Будет так, как она решила, как угодно ей, Надежде Пестряковой: Аласов в Бордуолах, а Майка в Арылах, и никак иначе!

Слишком вы дружно ходили по деревне, сцепив руки. Слишком победно глядела ты, дорогая Майечка, — помнишь, когда выходила с ним из кино? Я-то всё помню...

И ещё помню, с каким презрением ты все эти годы поглядывала в мою сторону: дескать, я, Майечка УнарOVA, чище чистого!

Получайте же оба, что заслужили. И ты, Сергей, получай. Я распахнула настежь сердце: входи! И что же? Словно щепу отбросил ты меня с дороги. Даже не удосужился спросить ту, которую любил: почему вынуждена была поступить так, а не иначе? Не любопытствовал... Винить человека просто, а ты попробуй понять, попробуй представить, что в жизни и так бывает: принадлежишь телом одному, а душой другому. Так вот тебе за все мои слёзы! Бордуолах, край света, пустая комната с чёрными окнами...

Майя.

Вот как рождаются иллюзии, как может обмануться не один человек — весь свет вокруг!

Саргылана вчера сказала: ваша любовь ни для кого не секрет. Неужто знают? Знает об этом старый Левин? И завуч Пестряков? И баба Дарья? А... Надежда? Неужели и она? И что они думают об этом — каждый из них?

Люди говорят: «ваша любовь», а любви нет и быть не может. Сегодня они с Сергеем ничуть не ближе, чем в день его приезда, когда встречались школьные товарищи: «Здравствуй, Серёжка!» — «Здорово, Майка».

Ничуть не ближе? Так почему же, когда вы бродили по снежным улицам райцентра, ты вдруг сказала: «Если Бордуолах, то и я за тобой?»

В первый день, ещё совещание не начиналось, Майю затеребили со всех сторон: «Унарова! Расцвела, голубушка...» — «Верно, верно, похорошела на редкость. Девочка, и только...» — «Влюбилась, влюбилась, не скрывай! У меня на этот счёт глаз намётанный...» — «На свадьбу приеду обязательно. Только телеграммку отстукай».

Это говорили люди, которые от Арылаха за сто вёрст! На свадьбу собираются. На её свадьбу...

Ноги лёгкими стали, а голова дурманно-пьяная. Будто кем-то подменили вековуху Унарову. Помнишь — сама себя спрашивала: что с тобой случилось? И не нашла тогда ответа. А он есть, ответ. Вековухой жить спокойнее: ни звука снаружи, печаль и память. А вот сохрани-ка этот покой, когда рядом Саргылана со своими бедами и радостями, когда чуть ли не ежедневно стучится в дверь Серёжка Аласов — пошли на лыжах, шире шаг, шире шаг, всё мелькает перед глазами, дух захватывает... Гульбище на Октябрьские праздники, танцы до утра, бросился Сергей в полынью, чуть не умерла от страха за него. Непонятно, каким образом снова ожило всё, что когда-то было между ней и Надеждой.

Скажи ей кто-либо ещё минувшим летом, что придёт зима и она готова будет умчаться из родной школы куда-то в Бордуолах! Страшно подумать: вот он уедет, а она останется тут...

После его визита в райком они долго бродили по улицам, за сегодняшним как-то начисто забыв, что это тот самый райцентр, где они учились, откуда Сергей и Сеня уходили на фронт. «Слушай, давай зайдём, а?» Они уже подошли было к воротам знакомого зданьца, поразительно маленького. Однако, взявшись за скобу двери, она передумала: нет, не пойду.

Чего она испугалась? Ведь была в школе, не раз заходила вспомнить прошлое, забраться в тёмный угол класса, вообразив, как всё было, всплакнуть безутешно, душу облегчить: вот, Сенечка, я снова здесь, всё такая же, всё одна.

Чего испугалась, почему на этот раз не посмела зайти? Потому что была теперь не одна. Потому что стала бояться себя самой, потому что стоит Сергею взять её крепкими руками и всё прошлое — в тартарары!

Надежда Пестрякова.

Спина мужа, чисто выбритая шея в морщинах. Каракулевый воротник. Плечи высоко подняты, голова чуть покачивается — Тимир в благодушном настроении, беззвучно напевает. Всё ещё переживает свою победу.

Боже, как она его хорошо знает, мужа своего! Каждый жест — радуется ли, трусит, трубит ли победу.

Вот и победа. Изгнали Аласова, прищемили хвост Майечке. Кругом удача. На совещании столько было похвал в адрес школы, сорвали такие аплодисменты!

Надежда и сама бы охотно порадовалась этому, не мучай её ужасная головная боль — словно чугунный шар перекатывается при каждом толчке машины. Ух, как ей опротивела за эти дни чужая кровать — узкая, жёсткая. И такой громкий в этой чужой комнате храп Тимира. За окном собака скулит, а под ухом он выводит рулады. Ведь и дома храпит, всю жизнь храпит, сколько она его знает, но как-то не обращала внимания, притерпелась с первого дня замужества. А тут — нет сил, хоть криком кричи!

Стареешь, Надежда Алгысовна, становишься всё нетерпимей. Как передёргивает её всю, когда Тимир случайно коснётся её во сне своей жёсткой пяткой! Не нога, а копыто какое-то. Недаром многие супруги к старости заводят каждый своё ложе. Пора бы и нам подумать.

Оцепенелые на морозе лиственницы плывут назад по обе стороны тракта, кружит белое однообразие. Как здесь красиво летом! Рядом с трактом вьётся неторопливая, вся в цветах, просёлочная дорога. Бывало, соскучишься по дому, ботиночки за плечи, и босиком по тёплой траве айда в родной Арылах. День побыла дома — и опять той же дорогой в школу. Однажды с Сергеем... Раннее лето было, уже зеленело всё...

Нет, не надо. Надежда отвернулась от окошка, ещё глубже втиснулась в свой угол, словно сторняясь кого-то четвёртого в машине, которого видела лишь она одна.

Теперь у тебя, Надежда Алгысовна, единственная тема для любовных воспоминаний — собственный муж, Тимир Иванович, который сидит сейчас рядом с шофёром и покачивает головой. Здесь можешь вспоминать сколько душе угодно: как давно-давно Тимир ни с того ни с сего стал ухаживать за тобой — строгий учитель, «чистюля», за своей недавней ученицей. Как принёс и задвинул под её девичью кровать свой чемодан. У него был прекрасный чемодан, в чехле.

А потом годы, годы... Словно отдушина — коротко мелькнувшая институтская пора, студенчество, муж далеко, дочка у родителей... Но мелькнуло, и снова прежнее — она мать, жена, будто не уезжала из Арылаха. Любовь под тёплым одеялом (тоже называется любовью), одни и те же праздники, нетрезвые разговоры за столом. Второй ребёнок родился, снова милые сердцу хлопоты вокруг малыша...

Но только ли для этого приходит женщина в мир? Только ли затем стучит в ней гулкое сердце, горят жадные губы, вспыхивают щёки?

Что он делает сейчас? И где он? Если райком и роно решили, то Бордуолах, конечно, неминуем. А может, он и сам уже понял это? Понял и, не дожидаясь худшего, собрался и махнул в Бордуолах? Неспроста же уехал он из райцентра раньше других — пока все учителя в районе, без лишних глаз и лишних свидетелей... К тому же начинается новая четверть, надо быть в Бордуолахе к началу занятий.

Господи, что я наделала! Что я наделала... Ведь это я одна во всём виновата! Вот сейчас приедет и узнает, что Аласова уже нет в Арылахе, не будет ни завтра, ни послезавтра. О господи! Пусть уж лучше прежняя мука, слёзы и метания, но всё-таки видеть его — хотя бы случайно, мельком, хотя бы словечком с ним перекинуться! А теперь — никогда?

Надежда даже привскочила со своего места, словно собираясь поторопить шофёра. Воротник душил, она распахнула пальто.

Тимир Иванович обернулся и вопросительно посмотрел на жену. Под его взглядом она осела, как оседает на холоде опара в горшке: нет-нет, Тима, я ничего...

Зевнув разок-другой и пошевелив затёкшей спиной, Пестряков обратился к шофёру:

— Какие новости в Арылахе?

— Да никаких, — с охотой отозвался шофёр. — Неделю назад весь наш десятый класс на охоту поехал — в Летяжье... Деревню взбулгачили не знаю как. А за главного у них пастух Лука, хромой-то!

Тимир Иванович откашлялся:

— А... классовод, Аласов?

— И он с ними. А верно ли, Тимир Иванович, что Аласов уезжает?

— П-правда...

— Жаль. Хороший он человек. Недавно Кардашевскому говорит: давайте устроим вечернюю школу в Арылахе. Для недоучек, вроде меня. В колхозе их порядочно наберётся, у кого пять классов, у кого шесть... Чем мы других хуже, со средним образованием? Я бы и в институте потянул...

— Ладно, ладно тебе! Давай гони поживее! — оборвал Пестряков. — Тут езды-то всего ничего, а мы тащимся целый день...

Майя.

Ушла куда-то по своим делам Саргылана. Тихо в избе. Сидеть бы и сидеть вот так, у тёплой стены, запрокинув голову.

Сидишь, словно ждёшь чего-то, прислушиваясь и вздрагивая от каждого стука во дворе.

Ждала-ждала и дождалась.

Он вошёл, как был, в снегу, не обив валенок, стал перед ней на пороге.

— Майка, пришёл я... — и перевёл дух. — Наверно, скажешь, чурбан я, не так это делается, но не могу по-другому. Слушай, Майка, иди за меня замуж. Я же люблю тебя... погоди, не говори ничего. Ответь одно только: да или нет. И я убегу.

Будто пол сдвинулся под ней. На глаза навернулись слёзы, она мотнула головой, стряхивая их, но слёзы снова подкатили.

— Да или нет?

— погоди, Серёжа, как же ты...

— Майка, ни слова больше! Только да или нет.

Слёзы бежали у неё по щекам. Кто-то прошёл под окном, скрипя валенками. За секунду решалась целая жизнь.

— Нет, Серёжа.

— Майка, что ты говоришь, Майка! Ты подумай, что ты сказала! Да? Ведь да?

— Нет.

— Да, Майка, да?

— Нет... нет, нет и нет! — она закричала так, что он отшатнулся. — Уходи. И когда за ним закрылась дверь, она, держась за стены, подошла к карточке: — Все слышал? Так ведь надо? Доволен? Всё теперь! Умер ты — и меня жизни лишил... Чем я виновата перед тобой? За что ты меня так?

Волосы её метались из стороны в сторону:

— О! О!

Билась в истерике женщина — одна в пустой избе.

Пестряков.

Осадив разговорчивого шофёра, Пестряков надолго замолчал. Известие о том, что Аласов из райцентра отправился на весёлую охоту — это после всего, что произошло с ним в райкоме! — немало его озадачило. Новый маневр? Или просто рехнулся? Кстати, если весь класс ушёл, значит, и Лира? Отвела братишку к родственникам, а сама на пикник? Своенравная девчонка, с неё ведь станется!

Так что же всё-таки происходит с нашим другом Аласовым? Или секретарь райкома недостаточно категорически заявил ему о переводе?

Ах, Наденька-Надюшка! Живёшь ты спокойно за широкой спиной мужа, даёшь ему всяческие боевые задания, а даже представить себе не можешь, сколько барьеров приходится одолевать, чтобы эти задания выполнить! Чего греха таить — заставила ты меня, Надюшка, поволноваться. От многих лет супружеской жизни, как известно, у жён любовного пыла к мужьям не прибавляется — закон природы. К тому же она в самой поре, а он уже по другую

сторону перевала. С появлением Аласова Тимир Иванович и вовсе пал духом — этого ему только не хватало!

Однако ошибся, пронесло грозу. Такой ласковой, страстной, заботливой, как в последние недели, он давненько жену не знал. Вот тебе и «охладела»...

Какой прекрасной может быть наша жизнь, если Аласова сплавим. Ему тут не жить, это ясно, но чует сердце, ещё хлебнём мы с ним неприятностей! Сегодня же по приезде надо позвонить Кириллу Сантаевичу, между делом лишний раз напомнить — чего тянуть, пусть издаёт приказ. Нужно действовать решительно и без промедления!

Впереди показались дымы, устремлённые в небо. Вот и Арылах.

Неожиданно из-за увала, едва не угодив под колёса, бросился машине наперерез какой-то сумасшедший лыжник — в расстёгнутой шубейке, в шапке, нелепо сбитой на ухо.

Аласов!

Разглядеть как следует не успел, но конечно же это Аласов. Проскочил, нырнул с дороги куда-то вниз. Шофёр бормотал сквозь зубы проклятия — перепугался парень страшно, даже нажать на тормоз не успел.

— Видала? — изумлённый Пестряков обернулся к жене. — Ты знаешь, кто это был?

— Знаю, — ответила она коротко.

Пестряков понял всё по металлическому блеску её глаз.

Аласов.

А он гнал и гнал, не разбирая пути. Ветер, казалось, сдирал кожу со скул. Проще всего было бы сейчас сломать голову на валунах, и делу конец! Но как он ни бросал себя то вверх, то вниз, тренированное тело само себя защищало.

Почему она сказала «нет», когда должна была сказать «да»? Он шёл к ней за одним, ничего иного не мог себе представить, а она сказала — нет.

Когда он думал об этом там, в Летяжьем, он даже на минуту не мог вообразить, что будет, если она ответит — нет. Особенно после того, как он сознанием преодолел последнюю преграду — Сеню, когда понял: он ведь никогда и не был преградой. Сеня всегда был за них!

Как она закричала страшно: «Уходи!»

Почему?

Впрочем, что теперь все эти зачем и почему?!

Вернулся от неё, мать испуганно поглядела: что ещё? Потыкался из угла в угол, не зная, куда деть себя, вспомнил про лыжи, и — в стужу, в снега, через увалы, к чёрту в зубы!

Дурачина: отправиться к ней не раньше и не позже, а сегодня, когда нужно решать совсем другую головоломку, когда над тобой висит Бордуолах и тебе как никогда требуется душевная прочность!

Впрочем, это тоже из серии дурацких почему. Задним умом мужик крепок. Потому и пошёл именно сегодня, что не мог иначе. Должен был пойти и сказать — напрямую. И получил ответ — тоже прямой.

Был уже тебе однажды от ворот поворот, только ты не захотел тогда понять, не поверил горькой правде. Что ж, дождался. «Уходи!» — яснее не бывает.

Даже хорошо, что произошло это именно сегодня: всё одним разом. Никаких иллюзий.

Её он не винит ни в чём. Наверно, для Майи это и в самом деле невозможно. Когда для человека невозможно — о чём же говорить.

Из-за горизонта встала огромная медно-красная луна.

Прощай, Майка!